

Брендон Сандерсон
Отрывок из первой книги цикла «Духокровники»

Перевод и редакция: zhuzh, Anahitta, marmax
Booktran, 2025 г.

В тених притаился туман.

Айвен резко остановилась на тротуаре, вглядываясь в переулок. Из-за пронсящих сверху машин солнечный свет мигал, как закоротившая лампочка. Дневная толпа обтекала ее с деловой раздражительностью городских жителей, успевающих и обогнуть неожиданное препятствие, и осыпать проклятиями. Но Айвен их не слышала: в наушниках играл террисийкий маунтин-фанк, а городской шум превратился в фоновые биты энергичного саундтрека.

Этот туман... наверняка для него еще рано. Или поздно? Айвен не приходилось видеть его в светлое время суток, даже в темных переулках. Казалось, больше никто его не замечал. Возможно, больше никому не было до этого дела. Впрочем, стоило ей перекрыть поток, словно дохлой крысе в канализации, как один из спешащих прохожих задел ее большую сумку, отчего та слетела с плеча. Провода запутались, наушники сорвало с ушей. Айвен покинула мир синтетических барабанных ритмов и оказалась в Эленделе во всей его агрессивной красе: топот ног по бетонному тротуару, крики толпы, отдаленный вой сирен, гул машин, удерживаемых в воздухе стальполем. Каждая машина создавала собственную мелодию — тональность плавно нарастала и убывала по мере того, как они проносились мимо.

Айвен стянула наушники на шею и, выскользнув из основного потока пешеходов, остановилась у переулка, чтобы привести в порядок провода, ремешки сумки и коричневую вельветовую куртку. Помедлив, она потянулась к сгустку тумана — облачку не больше фута в поперечнике, которое зависло в тених, будто заблудившись. Усик тумана обвился вокруг ее пальцев, словно быстро растущая лоза, оплел запястье, пощекотал манжету белой блузки, выглядывающую из-под рукава куртки.

Повинуясь внезапному порыву, Айвен сжала кулак. Туман протек сквозь пальцы, разделившись на десяток более мелких усиков, которые заколыхались в воздухе. Она слышала, что он может быть таким игривым, но сама сталкивалась с этим впервые.

«Тело Гармонии, — подумала она. — Суть бога».

У [УДАЛЕНО АВТОРОМ] не было прямых потомков, но Айвен нравилось считать, что свои способности она унаследовала по линии пра-пра-пра... неизвестно, сколько там этих пра. По линии ее великой прародительницы, чье имя с редкостным постоянством встречалось в легендах, мифах и истории.

Айвен оглянулась на поток пешеходов: многие работники закончили сегодня пораньше из-за какого-то небольшого праздника. Как всегда в Эленделе, к ним примкнули туристы: толпились на улицах Первого октанта возле Поля Перерождения и осматривали достопримечательности правительственного квартала и близлежащий променад с театрами. Массивные небоскребы замерли, словно часовые, охраняющие старинные величественные здания с изящно украшенными каменными фасадами. В Эленделе всегда было на что поглазеть: уличным музыкантам приходилось соревноваться за внимание зрителей с архитектурой и неоновыми вывесками. Пожалуй, не так уж и странно, что никто не заметил туман. Горожане приучили себя не отвлекаться, а взгляды приезжих притягивали более необычные виды.

«И все же», — подумала Айвен, возвращаясь взглядом к туману, который медленно таял, цепляясь за ее пальцы, будто не желая прощаться. Она еще немного постояла, пока наконец не вспомнила о деле. Если верить наручным часам, до начала автограф-сессии оставалось больше часа, но она задержалась на работе, несмотря на праздник, и знала, что нельзя недооценивать толпу. Так что она поспешила дальше, вновь влившись в поток прохожих, и через пару кварталов свернула на еще более широкий проспект. Небоскребы наконец расступились, открыв взгляду большой конференц-центр.

Продолговатое куполообразное здание имело почти футуристические очертания, что сегодня было как нельзя кстати, учитывая вывеску у входа о проведении «Spacerson». Айвен вспомнила, как десять лет назад, еще подростком, бывала на этом конвенте, только тогда он проводился в захудалом отеле, где ковер пропах пылью, а под вздувшимся деревянным шпоном на стенах виднелась фанера.

В том году пришло человек пятьдесят. Теперь же тысячи людей толпились у дверей, чтобы попасть внутрь. Их количество ужасало. Она не ожидала, что конвент будет настолько популярным.

«Похоже, я все-таки недооценила толпу», — подумала она, с растущим ужасом наблюдая, как большие группы начали удаляться от входа в конференц-центр. Айвен снова сняла наушники, схватилась обеими руками за ремешок сумки и, нервно переминаясь с ноги на ногу, простояла в очереди, пока не дошла до билетной кассы, где ее встретила надпись: «Билеты распроданы».

— Распроданы? — пробормотала она, не веря глазам. — Раньше такого никогда не было...

— Надо было покупать билет заранее, — сказала женщина за стойкой, задрав ноги и устроившись поудобнее с газетой. Заголовок гласил: «Несогласный убил троих в четвертом октанте».

— Мне... мне только вчера дали зарплату... Пожалуйста, мне нужно попасть внутрь. Автограф-сессия начнется через полчаса, и...

— Ты же видишь, что написано. — Женщина перевернула страницу.

— Но...

— Что написано?

Сглотнув, Айвен вцепилась в ремешки сумки. Несколько человек за ее спиной вздохнули и отошли. Не хотелось навязываться, но... В голове всплыла цитата: «Я знаю, что мне приказано отступить, но выбираю наступать».

— Пожалуйста, — повторила она. — Здесь есть лист ожидания? Или место, где продают лишние билеты? Я могла бы...

Женщина наконец опустила газету и уставилась на нее через модные очки с желтыми стеклами. Айвен не знала ее: скорее всего, она работает в самом центре, а не на конвенте.

— Ждать от тебя проблем? — спросила женщина.

— Проблем? — переспросил из-за стойки мужчина, который проходил мимо и при этих словах остановился.

Это оказался охранник с коротко стриженными волосами и брылями. Он наклонился и посмотрел через окошко на Айвен, отметив цветные узоры в форме буквы «V» на большой сумке и такие же на ремне, продетом в темно-коричневые вельветовые брюки.

Террисийцев нельзя отличить по цвету кожи, хотя более темная, как у нее, у них встречается чаще. По чертам лица тоже ничего точно не скажешь, хотя вытянутое лицо и высокий рост характерны для террисийцев. Даже символы на ремешке сумки и ремне — не стопроцентное подтверждение, поскольку стали частью поп-культуры. Однако все три признака вместе?

— Террисийка, — угадал охранник. — Никогда раньше не видел, чтобы кто-то из ваших устраивал здесь проблемы. Разве у вас не принято быть вежливыми и сдержанными?

— Никаких проблем, — сказала Айвен. — Но это тоже заблуждение. Люди есть люди, террисийцы не исключение. Сам Гармония доставлял проблемы для...

— Распроданы значит распроданы, дитя, — перебила женщина.

Двадцать семь — это «дитя»? Непонятно, то ли она ко всем так обращалась, то ли это намек на слишком юный облик Айвен, то ли завуалированное оскорбление. Так или иначе, женщина отвернулась, ясно показав: разговор окончен. С упавшим сердцем Айвен отошла от будки. На ее место тут же шагнул священник из Церкви Выжившего: блестящие серьги, черный костюм, на груди цепочка с кулоном в виде копья. Он предъявил билет — и двери перед ним раскрылись.

Айвен смотрела на него с завистью, проклиная себя за то, что задержалась на работе. Ведь можно было уйти на несколько часов раньше, но проект близился к завершению, она решила доделать его... и потеряла счет времени...

«Может, в следующем году», — подумала она. Он может вернуться в следующем году. Хотя и редко бывает на таких мероприятиях, потому что ему далеко ехать...

Она кружила у входа, надеясь на чудо, но все больше людей отсылали прочь. Над головой к удлиненному фасаду здания подъезжали машины. Большинство зданий в Эленделе были по меньшей мере двухэтажными, даже у самых старых имелись посадочные площадки, расположенные на транспортном уровне — футах в двадцати пяти над землей. Все машины, кроме экстренных служб, фиксировались на этой высоте и не могли двигаться ни вверх, ни вниз. Благодаря пропеллерам они скорее парили, чем летали.

Казалось, наверху людей разворачивали куда реже. Может, подняться туда и попытаться еще раз?

«Их разворачивают куда реже, — подумала она, — потому что, скорее всего, все они купили более дорогие VIP-билеты».

Вряд ли туда можно так просто подняться. Поразмыслив, Айвен все-таки решила уйти, но... что-то внутри не пускало.

«Мне обязательно нужно попасть на эту автограф-сессию, — подумала она с необычайной твердостью. — Он бы не сдался. И я не сдамся».

С растущей решимостью Айвен обошла здание и направилась к служебному входу. Через решетку ворот было видно, как работники конвента с бейджами на шее выходят подышать свежим воздухом во время перерыва. Теперь она почти никого из них не знала. Однако...

По счастливой случайности она увидела знакомого и обрадованно помахала рукой.

— Лес! Эй, Лес!

От компании работников, жующих кофеиновую жвачку у мусорного бака, отделился невысокий парень в старомодной шляпе, какие носили в Дикоземье, и, увидев Айвен, оживился.

— Айвендрил? — Он подбежал к решетке. — Привет, Айвен, ты не опоздаешь на автограф-сессию? Думал, ты будешь первой в очереди!

Она ссутулилась, держась за ремешки сумки, и с досадой поморщилась.

— Я не купила билет заранее. А теперь они распроданы.

— Распроданы? Эй, у нас все распродано! — крикнул Лес остальным.

Раздались одобрительные возгласы. Много воды утекло с тех пор, как им приходилось собирать пожертвования, чтобы оплатить счет за отель после того, как Вивенну стошнило на ковер в праздничном люксе. Лес глянул на нее, затем открыл ворота и жестом пригласил внутрь.

— Никому ни слова. Официально у меня нет права выдавать бейджи.

Басдрик осторожно просунул пинцет в трещину на стволе молодого деревца и зажал находку. Потом твердой рукой вытащил шевелящегося жука и показал дочери. Яре было всего семь лет, слишком мало для маски. Детская радость предназначалась всему миру, благословение Суверена и его регента.

— Он шевелится! — воскликнула Яра, подпрыгивая. С копной каштановых волос, в ярко-зеленом платье она походила на цветок — самый прекрасный цветок в его скромном саду.

— Это жук-охотник, — пояснил Басдрик. — Его так называли, потому что он охотится на мелких насекомых, которые поедают листья молодых эходерев. Видишь белый крестик на брюшке? Это признак, что жук нам друг.

Он осторожно перевернул его, чтобы девочка могла хорошенько рассмотреть, а затем бережно посадил обратно в углубление на тонком стволе.

— Но я думала, что все жуки плохие, — нахмурилась она.

— Нет ничего полностью плохого или полностью хорошего. Ни животных, ни растений, ни людей.

Яра надула губы.

— В чем дело? — спросил он.

— Я сказала Далаку, что жуков нужно всегда давить, потому что они поедают наши растения. Не хочу быть неправой.

Басдрик улыбнулся под маской, которая по традиции его клана — их тоже называли охотниками — закрывала все лицо. Чем больше он путешествовал по империи, тем больше удивлялся многообразию масок разных народов. Все делали их по-своему, чего он, человек из маленькой

деревни, и представить себе не мог. Неужели все они так ошибались? Или это он носил свою неправильно?

— Пойдем, я расскажу тебе историю, — сказал он дочери.

Они зашагали вдоль клумбы к следующему деревцу. Двор его был невелик, но казался полным жизни благодаря множеству растений и цветов — здесь даже уместился ручеек. Наполненность важнее размеров.

Солнце приятно пригревало, каждый глоток воздуха был влажным и густым, словно пропитанным собственной невидимой кровью, не то что в холодных землях на севере. У северных земель тоже есть свое очарование, теперь он в это верил, но не скучал по ним.

Басдрик начал осматривать следующий саженец: приподнимать листья, обследовать трещины на стволе.

— Жили-были два соседа. Однажды они наткнулись на странный сорняк на границе своих участков.

— Я их знаю? — спросила Яра.

— Да. Один из них твой дедушка.

— Который? Деда с черной маской или деда с белой маской?

— С белой. Мой отец. Тебе бы понравилось растение, которое они нашли: ярко-красное, опасное на вид. Тебе ведь нравятся опасности.

— Особенно если они шевелятся, — прошептала Яра. Наклонившись, она разглядывала очередного найденного жука, пока Басдрик проверял его брюшко.

— Только не оставляй больше змей на кухне, а то твоя мама снимет с меня маску. Так вот, насчет этого опасного на вид растения твой дедушка решил, что узнал его, и сказал: «По описанию похоже на сименику. Горькая на вкус, а ягоды ядовитые. Нужно прочесать округу и вырвать всю, что найдем, чтобы она не разрослась и не навредила животным».

Сосед твоего деда любил всегда быть прав. Он увидел растение и сказал: «Нет, это круговика. Она совершенно безвредна. Козы любят ей лакомиться».

— Разве не все любят всегда быть правыми? — спросила Яра. Она показала на очередного жука для проверки, склонив свою маленькую головку набок и почти присев на землю.

— Конечно, это свойственно человеческой природе. Так вот, они поспорили: сименика или круговика? Спор разгорался все сильнее, пока дело едва не дошло до кулаков. Что за глупость — ударить другого человека из-за такой мелочи?

— Наверное. Но кто был прав?

— Сосед не мог оставить все как есть. Он отправился в большой город, ты знаешь какой. В прошлом году я возил тебя туда за платьем.

Там он обратился в престижный университет с листком растения и поговорил с экспертом. Профессор сказал, что это растение называется круговика и что оно смертельно опасно для коз. Сосед вернулся к твоему дедушке, швырнул листок ему в лицо и сказал: «Я же говорил, что прав! Это круговика».

Они подошли к последнему из трех саженцев. Яра задумалась, на ее лице отражалась напряженная работа мысли.

— Значит... оба были и правы, и неправы одновременно.

— Верно.

— Но какая разница, как называется растение... ведь оно все равно смертельно опасное. Так что дедушка в белой маске был больше прав, пусть даже ошибся с названием.

— Так ведут себя испуганные и не уверенные в себе люди, — сказал Басдрик. — Им нужно во что бы то ни стало оказаться правыми, и поэтому они цепляются за мелочи, забывая о сути спора. Не уподобляйся им, милая. Важнее не то, насколько прав ты был, а насколько ближе к правде ты стал. Лучше узнать, что ошибался, чем упорствовать в глупости. И всегда помни: ищи главное, а не отвлекайся на пустяки.

Он поднял жука.

— Что скажешь об этом?

— У него крестик на брюшке. Значит, это хороший жук.

— Разве? — Он еще раз повернул жука к ней брюшком.

— ...нет. Нет! Это просто белая линия, совсем нечеткая.

— Это жук-обманщик. Они эволюционировали так, чтобы походить на охотников, но меньше размером и питаются листьями. Лжецы в мире насекомых.

Он взял другой пинцет и раздавил жуку головку, даровав быструю смерть.

— Таких мы убиваем. Но помни: сперва убедись, что твои знания верны. Если не будешь учиться и набираться ума, то погубишь сад — убьешь жуков-охотников, которые поедают мелких вредителей, а их нам вывести не под силу.

В отличие от взрослых она никогда не спрашивала, почему он так заботится о саде и вообще завел свой собственный, если дальше по улице можно посетить общественный. Просто смотрела на него широко раскрытыми глазами и с серьезным видом кивала. В ответ он приподнял маску и улыбнулся. Эмоции, предназначенные только ей. Басдрик хотел проверить вместе с Ярой уровень воды в сухолистах, как вдруг его накрыла тень. Прямо над ним промелькнула машина вне трассы.

Его улыбка угасла, и он медленно опустил маску.

— Пап? — позвала Яра.

— Сходи-ка пошуруди в кустах у фонтана, милая. Кажется, я видел там змейку.

— О! Обещаю, что не буду оставлять ее на кухне.

Она вприпрыжку умчалась прочь, а он проследил, как машина — черная, с тонированными стеклами — притормозила у его дома. Своей машины у него не было, как и посадочной площадки. В сельской местности это считалось обычным делом: до рынка рукой подать, а для других поездок есть автобусы.

Машина медленно опустила перед входом. Это за ним. Он зашел в дом и спокойно вымыл руки. К нему приблизилась его жена Рара в белом платье с красными цветами. Под приподнятой маской на ее лице читался страх.

— Ты же говорил, что завязал, — прошипела она.

Он молча вытер руки.

— Притворимся, что нас нет дома?

— Если это тот, о ком я думаю, он не станет стучать.

Через мгновение дверь открылась, и внутрь скользнули несколько фигур в черных куртках и бордовой форме, ощупывая взглядом каждый угол.

— Сходи-ка поиграй с Ярой, — сказал Басдрик жене. — Она хочет поймать змейку, чтобы напугать тебя.

Рара сжала его руку и встретилась с ним взглядом. Он приподнял маску, нежно поцеловал жену, опустил маску обратно и кивнул в сторону двора. Она глянула на мужчин в черно-красном и послушно выскользнула из дома.

Басдрик осторожно налил себе сока, выжатого из фруктов с одного из собственных деревьев, как вдруг дверь снова открылась, и в комнату шагнула невысокая фигура. Член ассамблеи Длавил носил маску, какой Басдрик никогда не встречал в своих путешествиях. Маска была необычной, такие предпочитали его охранники и небольшой, но растущий круг последователей: она словно срослась с плотью, ее нельзя было приподнять, а на месте рта зияла прорезь для приема пищи.

Когда он заговорил, Басдрик уловил слабый незнакомый акцент.

— Мы одни?